

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*К 145-летию со дня основания
Томского государственного университета*

**МИР ЧЕЛОВЕКА В ФОКУСЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕТАПРАКТИК**

МАТЕРИАЛЫ
VIII СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

Обсуждение и выводы. Мы разработали разные с точки зрения репрезентации ответы на задачи и показали их влияние на оценки остроумия, смены репрезентации и интегральную оценку ага-переживания. Мы показали, что остроумность ответа связана с ага-переживанием, и это можно объяснить через схожесть остроумия со сменой репрезентации: оценить красоту задачи и остроумие шутки можно, только поняв их; значительные теории инсайта и юмора говорят о рассогласовании информации внутри шутки / задачи; обе сферы знания находятся на рубеже между мышлением и эмоциями.

Результаты о сходстве между субъективным чувством смены репрезентации и остроумием можно использовать для разработки экспериментов: чтобы не объяснять испытуемому, что экспериментатор подразумевает под сменой репрезентации, можно использовать термин «остроумие».

Литература

1. Canestrari C. et al. Pleasures of the mind: What makes jokes and insight problems enjoyable // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 8. P. 2297.
2. Danek A.H., Wiley J. What about false insights? Deconstructing the Aha! experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 7. P. 1–14.
3. Jung-Beeman M. et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight // *PLoS Biology*. 2004. Vol. 2 (4). P. 97.
4. Kizilirmak J.M. et al. Generation and the subjective feeling of “aha!” are independently related to learning from insight // *Psychological Research*. 2016. Vol. 80 (6). P. 1059–1074.
5. Ohlsson S. Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the Psychology of Thinking*. 1992. Vol. 1. P. 1–44.

УДК 17:159.922

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМЫ»

Дарья Михайловна Мацепуро

Томский государственный университет, Томск, Россия

Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»)

Глобальные социально-политические трансформации и угрозы подвергают риску психологическую безопасность, которая предполагает защищенность психики человека, целостность личности, защиту душевного здоровья и духовности, а также конструируют новые этические дилеммы как на микроуровне в процессе жизнеосуществления, так и на макроуровне, связанном с решением фундаментальных вопросов человеческого бытия. К внешним угрозам добавляются внутриличностные, которые обусловлены неустойчивостью психики и подверженностью стрессу, сменой привычных способов живого общения на виртуальную коммуникацию, сдвигом ценностных установок и дезориентацией.

Вслед за кризисом ценностей демократии и капитализма, зафиксированным исследователями через понятие «новая нормальность», или «новая норма» (the new normal) [4], оно приобрело другое звучание в период пандемии COVID-19, с которой столкнулось человечество в начале 2020 г. С начала пандемии было опубликовано огромное количество исследований, посвященных этическим аспектам оказания медицинской помощи (от принятия решений о выборе спасения того или иного пациента до вопросов коммуникации), обучения, профес-

сиональной деятельности, межличностных отношений, а также вопросам психологического благополучия, но преимущественно рассматривались вопросы профессионального выгорания, стресса и ухудшения психоэмоционального состояния врачей и медицинского персонала [5]. Однако задаваемые пандемией реалии «новой нормы» так или иначе коснулись каждого и вследствие изоляции, снижения социального доверия, тотальной неопределенности, разобщения с близкими, перехода образования и профессиональной деятельности в онлайн формат, ограниченного доступа к медицинской помощи привели к росту психологических заболеваний в мире на 25%, по данным ВОЗ [3]. Исследования показали, что в июне 2020 г. у каждого третьего опрошенного россиянина (36%) отмечались симптомы клинической депрессии, а у каждого четвертого (24%) – симптомы клинического тревожного расстройства [2]. Стремительный рост психологической травматизации, тревожных расстройств и депрессивных состояний позволяет говорить о том, что угроза психологической безопасности становится одной из наиболее острых социальных проблем. По мнению некоторых исследователей, эти негативные последствия формируют «вторую эпидемию», или «пандемию страха» [1]. При ограниченном доступе к услугам психологической помощи стремительно возрос запрос на ее оказание.

Ситуация драматическим образом усугубилась с февраля 2022 г., когда не оправившееся от пандемии человечество столкнулось с ситуацией геополитического разлома, межнациональными конфликтами и обострением политической ситуации во всем мире. Соответственно, к последствиям пандемии добавился рост социальной напряженности, спровоцированный в том числе противоречивой информационной повесткой и неопределенностью в завтрашнем дне.

На этом фоне актуализируется осмысление этических и моральных дилемм – ситуаций, когда человек должен сделать выбор, который в любом случае будет нарушать нравственные, этические, моральные и / или другие предписания. Иначе говоря, это выбор, при котором ценности человека и общественные нормы вступают в конфликт. Этические дилеммы в условиях кризиса и измененной нормы становятся еще сложнее, возникая в разных областях – от медицинской помощи до сохранения профессиональных и межличностных отношений. Ситуация выбора и принятия решений имеет психологическую обусловленность и зачастую затруднительна, так как предполагает не только получение некой выгоды, но и потерю. Особенно если это выбор, как в случае с этическими дилеммами, который при любом решении влечет риски для другой стороны.

Преодоление психологического кризиса и глубокое осмысление проявляющихся этических дилемм все же возможно при должном и своевременном срабатывании адаптивных механизмов, что способствует постепенному привыканию к стремительно меняющимся реалиям и условиям «новой нормы». При сужении привычных личных и жизненных перспектив это позволяет людям отыскивать альтернативные возможности, которые помогают становлению «новой нормальности» через уверенность в собственных силах, постановку позитивных целей, эмпатию и помощь тем, чья жизненная ситуация гораздо более уязвима и драматична.

Таким образом, очевидно, что при усложняющихся условиях внешней среды и ответной психологической реакции на них будут сохраняться риски, связанные с обеспечением психологической безопасности человека, который неизбежно будет сталкиваться с необходимостью решения тех или иных этических дилемм, связанных с профессиональной деятельностью или вопросами внутреннего выбора.

Литература

1. Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В., Котенева А.В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 1. С. 27–38.

2. Нестик Т.А. Психологические последствия пандемии и ресурсы жизнеспособности в условиях глобальных рисков // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества : сб. ст. Междунар. науч. конгресса. М., 2020. С. 808–813.
3. Пандемия привела к резкому росту психических заболеваний // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419112> (дата обращения: 12.10.2022).
4. El-Erian M.A. Navigating the new normal in industrial countries. Washington, DC : Per Jacobsson Foundation, 2010.
5. Robert R., Kentish-Barnes N., Boyer A., Laurent A., Azoulay E., Reignier J. Ethical dilemmas due to the Covid-19 pandemic // Annals of intensive care. 2020. Vol. 10.1. P. 1–9.

УДК 159.9

БАЗОВЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ольга Ивановна Муравьева, Александра Андреевна Устюжанина
Томский государственный университет, Томск, Россия

Результаты психологических исследований показывают, что удовлетворенность базовых психологических потребностей – в автономии, компетентности и связанности [5] – сопрягается с такими позитивными характеристиками жизни человека, как субъективное благополучие [1], интегрированность поведения [2], полноценное функционирование личности [4] и т.п. Продолжая эту линию исследований, мы ставим вопрос о других, более «поверхностных», психологических факторах, которые связаны с базовыми психологическими потребностями. Целью нашего исследования является выявление взаимосвязи между удовлетворенностью базовых психологических потребностей и особенностями межличностных отношений.

Исследование проводилось с октября 2020 г. по январь 2021 г. в офлайн- и онлайн-форматах. Респонденты: 79 человек, из которых 29 мужчин (36,7%), 50 женщин (53,7%), средний возраст – 21 год. Методики: Шкала удовлетворенности базовых психологических потребностей Э. Дисси и Р. Райана в адаптации Е.Н. Осина, Д.Д. Сучкова, Т.О. Гордеевой, Т.Ю. Ивановой [2], включающая три шкалы: Потребность в автономии, Потребность в компетентности, Потребности в связанности; Опросник межличностных отношений В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишниковой [3], выявляющий характер межличностных отношений, который содержит шесть шкал: две шкалы Включение (выраженное поведение и требуемое поведение), две шкалы Контроль (выраженное поведение и требуемое поведение), две шкалы Аффект (выраженное поведение и требуемое поведение). Статистическая обработка результатов проводилась с помощью корреляционного анализа Спирмена с использованием программы IBM Statistics SPSS 26.

По результатам статистического анализа выявлена статистически значимая положительная корреляционная связь шкалы Потребность в автономии опросника Э. Дисси, Р. Райана со следующими шкалами опросника В. Шутца: Включение (выраженное поведение) ($r = 0,330$; $p = 0,003$), Включение (требуемое поведение) ($r = 0,224$; $p = 0,047$), Аффект (выраженное поведение) ($r = 0,341$; $p = 0,002$), Аффект (требуемое поведение) ($r = 0,262$; $p = 0,020$). Потребность в компетентности положительно коррелирует со шкалами Включение (выраженное поведение) ($r = 0,287$; $p = 0,010$) и Аффект (требуемое поведение) ($r = 0,270$; $p = 0,016$). Потребность в связанности положительно коррелирует со шкалами опросника В. Шутца Включение (выраженное поведение) ($r = 0,401$; $p = 0,000$), Аффект (выраженное поведение) ($r = 0,254$; $p = 0,024$), Аффект (требуемое поведение) ($r = 0,354$; $p = 0,001$). Взаимосвязей между шкалами опросника Э. Дисси, Р. Райана и шкалами Контроль (выраженное поведение) и Контроль (требуемое поведение) не выявлено.